

ЦУШР
Г644

4412165

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА [THE TOILER'S VOICE]

Russian Monthly. Published by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$ 1.00; на шесть ме-
сяцев — 50 центов

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 10 СЕНТОВ.

SUBSCRIPTION RATES: \$ 1.00 per year; 50c.
per six months.

SINGLE COPY — 10 CENTS.

АДРЕС: Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

VOL. VIII. No. 15.

JANUARY, 1926.

PRICE 10c.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПЕРЕДОВАЯ: Цели рабочего объединения.

Вопросы общественного строительства.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ: Вопросы политической экономии.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ: Германия. — Ужас-
ный призрак безработицы. Китай. — Декларация
принципов Союза профсоюзов Шанхая. Индия.

РОССИЯ: В тюрьме и ссылке.

ЖИЗНЬ ОРГАНИЗАЦИИ И. Р. М.: 17-ый съезд. — Суд
над Р. Фордом. — Призыв к действию.

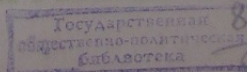
СРЕДИ КНИГ: А. Боровой и Н. Отверженный — „Миф
о Бакунине“. Пьер Рамус — „Вильям Годвин“.

ЦЕЛИ РАБОЧЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Армия производителей должна быть организована не только для повсе-
дневной борьбы с капиталистами, но также и для того, чтобы продолжать
производство, когда капитализм будет свергнут. — (Программа И. Р. М.).

КАЖДЫЙ внимательно присматривающийся ко всему, что его окружает, ко
всем общественным явлениям, замечает тот факт, что в современном ка-
питалистическом обществе, зиждущемся на принципе частной собствен-
ности и эксплуатации, люди делятся на классы, на два основных класса: вла-
деющих и неимущих, то-есть предпринимателей и пролетариев. Этот
факт особенно резко и выпукло выявляется в странах развитого капи-
тализма, где классовое деление общества доведено до отчетливой ясности. Чтобы
подметить этот факт не нужно быть знакомым с политической экономией и с сложным
механизмом современного политико-экономического строя, для этого нужно только
побывать в центре крупных городов, где магазины и склады ломятся от товаров и
где роскошь порождает всякое воображение и побывать в трущобах этих городов, где
царствует вопиющая нужда, голод, холод, грязь, скученность, болезни. И тогда каждо-
му будет ясно, что современная жизнь протекает на двух противоположных полюсах,
каждому будет ясно, что не только существуют классы, но что интересы их неприми-
римы: одни стремятся к увековечению современной системы эксплуатации, чтобы жить
без труда, другие, наоборот, напрягают все усилия на уничтожение этой злостно-экс-
плуататорской системы, превратившей их в автоматические машины. Так как в совре-
менном обществе все основано на купле-продаже, все становится товаром, (не только
материальные ценности — товар, но и наука, искусство во всех его формах и даже мо-
ральные ценности — товар, который, кстати сказать, как ненужная заваль, расценива-
ется очень низко), то и огромная масса людей, вынужденная работать по найму — то-
же товар, «живой, волевой и мыслящий товар». Особенность этого товара — он имеет

желудок и человеческие стремления, свойственные и тем, кто его покупает, то-есть капиталистам, эксплуататорам, хозяевам.

Интересы покупателя и продавца не могут быть одинаковы — они противоположны: один хочет купить дешевле, а другой продать дороже. Но государство и капитализм создают самые невыгодные условия для продавца рабочей силы и вынуждают его продаваться, продавать свои силы, свою способность производить ценности не по цене стоимости произведенных ценностей, а неизмеримо ниже этой стоимости; недоплаченный же излишек идет в карман хозяина и является источником огромных капиталов Морганов, Вандербильдов, Фордов и прочей эксплуататорской банды, рабочий же получает столько, сколько необходимо для мало-мальского существования семьи и восстановления затраченных сил; однако, далеко нередкое явление, когда государство-капиталист (Россия) или частный капиталист (Германия), доведя страну (одни неумышленно, другие умышленно) до плачевного экономического состояния, заставляют рабочих работать за плату на много ниже прожиточного минимума. Но это далеко не все. Государство или буржуа, купив за бесценно рабочую силу, стараются выжать из рабочих все; с этой целью они стремятся к удлинению рабочего дня, к установке таких машин, при которых рабочий являлся бы частью этой машины, к введению сдельщины, почасной, а не месячной, оплаты труда, кроме того, во избежание лишних расходов, они ставят рабочих в такие ужасные гигиенические условия, что их нельзя сравнить с условиями болонок, мопсов и прочих шавок хозяйских барынь или хозяйских лошадей. В такие же самые условия государство и капиталисты ставят рабочих в смысле ограждения их от несчастных случаев при работе: обвалы шахт, взрывы в них газов, отравление на химических заводах, обвалы туннелей, взрывы на фабриках и прочее, влекущее смерть и увечье рабочих, — явление весьма частое.

Для ограждения себя от этих хищнических стремлений предпринимателей, для завоевания более лучших жизненных условий и условий при работе, для ограничения хозяйского произвола и абсолютизма рабочие вынуждены объединяться по производствам, создавать индустриальные союзы.

С ростом капитализма, то-есть с накоплением неслыханных богатств и роскоши на одном полюсе, нужды и нищеты на другом, росло и рабочее сознание. Рабочие скоро стали понимать, что в объединении сила. Это сознание общности цеховых интересов и необходимости общих усилий в борьбе с эксплуататорами, привело рабочих к организации цеховых, профессиональных союзов, а дальнейшее развитие капитализма содействовало (и содействует) осознанию общности интересов в индустрии и общности интересов рабочих, как класса, сперва своей страны, а потом, с ростом капитализма и с процессом сращения денежного и промышленного капитала (империализм), к сознанию общности интересов рабочих всех стран. Начав осознавать себя, как класс, рабочие, естественно, начали создавать и соответственные объединения — индустриальные союзы и объединение этих союзов в интернационале.

Однако, в настоящее время, несмотря на настоячивые требования жизни, индустриальные союзы не являются преобладающей формой рабочего объединения; огромные массы еще продолжают (Америка, Англия) держаться цеховых форм. Это говорит о том, что мы переживаем в этом отношении переходную эпоху, когда нарождается и крепнет новое, но старое еще не отмерло. Это говорит о том, что далеко еще не все рабочие привели свое сознание в соответствие с жизнью и ее требованиями — они еще косны, отстали.

Поскольку такие рабочие не дошли до сознания общности интересов, как класса, постольку, естественно, они не досрости и до сознания и познания основных причин рабочего положения пролетариата, тающихся в факте существования капитализма и государства. По этой самой причине они всю свою деятельность сосредоточивают на повседневной борьбе и реформах, надеясь, как Американская Федерация Труда, до-

стигнуть благоденствия в условиях, исключаящих это благоденствие, то-есть в условиях капиталистической эксплуатации и государственного гнета.

Меньшинство рабочего класса, (которое несомненно скоро станет большинством), дошедшее до сознания общности интересов пролетариата всех стран, дошло и до сознания и **познания** основных причин рабского состояния трудящихся; поэтому, организуясь индустриально, ведя повседневную борьбу революционными методами, оно ставит целью не повседневную борьбу, значение которой огромно, а уничтожение основных причин рабского состояния трудящихся — капитализма и государства.

Повседневная борьба, «борьба за пятачек», есть только средство, могучее средство, в борьбе за полное раскрепощение труда, в борьбе за свободное, равенственное, коммунистическое общество.

Только идеалистические дурачки, которые однако свои желудочные интересы очень блюдут, могут с пренебрежением относиться к повседневной борьбе, к борьбе за пятак, к борьбе за сытый желудок. В своем пренебрежении к повседневной борьбе они совершают ту же ошибку, что и рабочие, которые ставят ее своей целью, и те и другие одинаково отстали, малосознательны, несмотря на то, что первые шеголяют самыми революционными фразами и одеваются в одежды радикальнейших идей.

Революционные рабочие (каковыми являются индустриалисты и анархо-синдикалисты) не впадают в ошибку реформистов, для которых конечный идеал играет очень малое значение, (если он у них вообще играет какое-нибудь значение), еще в меньшей степени они впадают в ошибку архиреволюционеров на словах, мещан на деле, пренебрежительно относящихся к повседневной борьбе и к насыщению желудка рабочих, (но не своего!).

Сознательные рабочие, истинно-революционные сумели сочетать требования сегодняшнего дня с основными своими требованиями, с требованиями «конечного» идеала. Для них повседневная борьба не цель сама по себе, а средство завоевания выгодных позиций для решительного боя с капитализмом и государством. Следовательно, вся повседневная деятельность революционных рабочих индустриальных союзов освещается и направляется конечным идеалом — установление равенства, коммунизма, свободного коммунизма. Благодаря синтезу сегодняшнего дня с завтрашним, революционные индустриально-организованные рабочие придают своим организациям двойную цель: борьба и управление производством. Они заранее ставят вопрос — кто и как организует и приведет в движение основу современной жизни и основу коммунизма — производство, когда капиталист и государство будут побеждены? Учитывая опыт буржуазии, которая, прежде чем прийти к господству, имела в своем распоряжении учреждения (городские управления), обеспечивающие это господство, революционные индустриалисты и анархо-синдикалисты считают, что и пролетариат должен создать до уничтожения государственно-капиталистического строя свои собственные учреждения, система которых могла бы заместить в политике государство, а в экономике капитализм. Такими учреждениями в каждой стране должны быть индустриальные союзы, а для всего мира интернационал.

Цель рабочих союзов, следовательно, не только повседневная борьба, но и переустройство современного общества на основах свободного коммунизма. Эта цель выдвигает заботу о создании и укреплении таких организаций, которые являлись бы не только боевыми органами рабочего класса в период борьбы с капитализмом, но и органами созидания после победы над государством и капитализмом; такими организациями являются революционные индустриальные союзы рабочих и их интернационал.

Вопросы общественного строительства

Экономические проблемы

7. Трудности «второго дня» социальной революции.

МЫ говорим здесь о тех трудностях, которые нас ожидают на второй день после революции. Точнее следовало бы говорить не о втором дне после революции, а о втором дне **самой революции** и обо всех последующих, как наиболее драматических, так и наиболее тусклых, ее днях. Вопросы производства встанут перед нами во весь рост уже в боевые дни, наполненные драматизмом борьбы, в течение которых на поле социальной брани будет решаться вековая тяжба пролетариата и всех трудящихся с буржуазией. Но в эти дни, по крайней мере, в дни напряженной физической борьбы, в дни наполненные шумом классовых битв, когда сила буржуазии окончательно еще не сломлена или пока у нее не оторвана более или менее значительная территория, о какой либо правильной организации производства и говорить не приходится — мы не в состоянии б у д е м к этому приступить основательно и нам придется в первые дни удовлетворяться захваченными продуктами и напрячь усилия на поддержку работы в необходимых предприятиях...

Прежде чем приступить к ожидающим нас трудностям, мы еще должны, следовательно, завоевать себе эти трудности революцией. Успешная революция, таким образом, является первой предпосылкой, без которой мы и к производству-то не сможем приступить. Это самоочевидная истина, о которой смешно и говорить даже, и мы, понятное дело, не говорили бы об ней, если-б элементы, обуславливающие ее успешность, не обуславливали-бы в то-же самое время и успешность всего дальнейшего строительства, которое развернется в стране социальной революции, и если бы эти элементы не переходили в строительный фазис и не влияли бы на строительство.

Ведь, **социальная революция, побеждая буржуазию физически, еще далеко не одерживает полной победы**, как показывает опыт современной русской действительности. Она еще должна найти у себя самой силы победить препятствия, мешающие

организации производства, в противном случае она вынуждена будет пойти в капиталистическую Каноссу и призвать империалистических варягов, как это делают теперь русские коммунисты. **Социальная революция, где бы она не происходила, неизбежно будет иметь два фронта: военный и хозяйственный.** И тот и другой одинаково важны. Разница в их значимости в том, что первый зависит от второго, питается им и теряет свое значение, как только враг физически побежден. Второй защищается первым и остается еще и после его ликвидации, борьба на нем будет кипеть долгое время.

8. Элементы обуславливающие успех строительства нового общества.

Каковы же эти элементы, которые обуславливают не только физическую победу революции, но и ее дальнейшее победное творческое шествие на самом трудном, хозяйственном, фронте, и без которых успех революции или невозможен, или подлежит большому сомнению?

Мы на этот счет задумывались мало. У нас был чрезвычайно упрощенный подход к революции. Народные массы угнетены, они темны; это правда, говорили многие из нас, но, именно, потому что они угнетены — они инстинктивные анархисты, у них здоровый и верный инстинкт, который руководит их поступками, направленными к добру, к общему благу. В этом отношении большими симпатиями пользовались крестьяне. Предполагалось, что достаточно инициативно-му меньшинству зажечь пожар в одном каком либо месте, как он разольется повсюду, все стихийно восстанет, снесет старый мир и на его развалинах будет строиться новое общество; сама стихия, одаренная верным инстинктом, найдет в себе достаточно творческих сил, чтобы хаос претворить в справедливый порядок. В нашем подходе всегда много было идеалистического (не в философском смысле), и этического и очень мало реального учета положения, социологических факторов и соотношения сил.

Жизнь, конечно, разбила этот неанархический, псевдо-анархический п о д х о д. Именно псевдо-анархический, ибо анархизм учитывал не только психологические фак-

торы, а и материальные, объективные, он не выделял из общей суммы психологических факторов какойнибудь один из них особенно положительный, на котором строил бы всю теорию успеха революции, например, хорошие инстинкты рабочих масс; он рассматривал эти факторы не односторонне, а разносторонне, взвешивая их положительные и отрицательные действия. Он рассматривал все факторы в совокупности, всю сумму их и во всем объеме; отрицательные факторы в такой же мере интересовали его, как и положительные. И те и другие одинаково важны и для физической победы революции и для нового строительства, ибо положительные и отрицательные факторы будут действовать и на первом и на втором фронте революции, облегчая или затрудняя ход революционного процесса, обуславливая победу или поражение. Бакунин так и делал, он рассматривал и распознавал роль в революции целой суммы социологических факторов психологического порядка. Он, например, учитывал роль темперамента народа, его невежества и темноты, роль привычек, обычая и верований, роль воображения, ненависти, инстинктов и т. д. Для него было ясно, что без учета совокупного влияния этих и целого ряда других факторов на возникновение и ход революции, без выяснения характера этого влияния мы будем слепыми революционерами. Поэтому он уделил им место в своей системе анархии. Для него было ясно, что темперамент народа играет в революции безусловно громадную роль, которую нельзя не учитывать; чем характер народа живей, тем быстрее и шире разольется в стране социальный пожар и быстрее наступит день решительной битвы, а после победы темперамент, безусловно, придаст социальному строительству особый, только ему соответствующий, характер.

Невежество и темнота им точно также постоянно имелись в виду и учитывались, как отрицательные социальные факторы. «Народ к несчастью еще слишком невежествен», с сожалением констатирует Бакунин этот факт и видит в этом силу всех правительств, которые считают «не без оснований невежество одним из самых существенных условий своего собственного могущества».

Верования народа, переходящие в обычай, и делающиеся привычкой, имеют еще большее значение, ибо они гораздо сильнее идей и политических убеждений. Консервативное начало этих социологических факторов должно быть особенно учтено. По мнению Бакунина оно настолько сильно, что даже самый красный буржуа ско-

рее и сильнее будет потрясен несчастьем другого буржуа, даже самого отчаянного империалиста, чем несчастьем «рабочего, человека из народа». Наша революция дала немало иллюстраций, подтверждающих правильность этого утверждения. Достаточно вспомнить расстрелы большевиками некоторых буржуазных профессоров или ксендзов, когда по всей Европе, начиная от буржуа до социалистов, поднималась буря негодования и вспомнить производимые ими же расстрелы русских рабочих... Это объясняется именно тем, что «условия и привычки жизни всегда оказывают на людей более могущественное влияние, чем их идеи и политические убеждения». Трудовые массы, стремящиеся к освобождению, не исключаются из этого правила, на них так же сильно действуют приобретенные ими привычки. Привычки надо всегда учитывать, ибо, если сила их влияния будет слаба в момент драматической борьбы, то они неизбежно скажутся в строительном фазисе социальной революции.

Инстинкты народных масс, на которых так выезжали мы раньше... Они, конечно, имеют громадное значение. Но они не все. С ними далеко не уедем. Для успешной социальной революции и особенно для социалистического строительства их недостаточно. Социализм 1848 г. только потому и погиб, что рабочие кроме инстинкта ничего другого не имели. Бакунин признает инстинкт важнейшим фактором, но далеко недостаточным. Помимо инстинкта нужны еще положительные практические идеи, нужно не только объединение инстинктов, но и объединение идей, ибо из столпотворения Вавилонского ничего не выдет. «Если бы достаточно было одних верных инстинктов для освобождения народов, они давно бы уже были освобождены». Не малую роль играет и воображение. Как социологический фактор, «воображение великая сила, с которой обыкновенно недостаточно считаются в обществе» и еще меньше в среде деятелей социальной революции. А Бакунин учитывал и его, а мы тем более должны это делать. Говоря о крестьянах он, между прочим, замечал, что хотя они фактически и ничего не имеют, но воображают, что имеют, а отсюда происходят весьма многие враждебные революции поступки; русский опыт подтверждает это. Больше того, воображение играет роль не только среди крестьян, но оно может иметь место и среди пролетариата, которому якобы «нечего терять кроме своих цепей». Однако находились, найдутся и будут находиться, и не в малом количестве, такие пролетарии, которые будут воображать, что они имеют нечто и помимо цепей. Как же

это не учитывать, когда это, к слову сказать, является ныне источником реформизма. Все необходимо учитывать и учитывать трезво. Но что значит учитывать трезво? Это значит, что учитывая, например, роль привычек народных масс, необходимо заглядывать в источник их, в их природу, ибо без этого мы их не сможем учесть и наш учет будет не учет, а простая болтовня.

Привычки коренятся в материальных условиях жизни. «Подавленный своим ежедневным трудом, лишенный досуга, умственных занятий, чтения, словом, почти всех средств и влияний, развивающих мысль человека, народ, говорит Бакунин, чаще всего принимает без критики и гуртом традиции»..., которые «превращаются у него в род умственной и нравственной привычки, слишком часто более могущественной, чем его естественно-здоровый смысл». Привычки коренятся в материальных условиях жизни, следовательно, учитывая психологические факторы необходимо постоянно иметь в виду и экономические, которые их в той или иной мере обуславливают. Вникнув в материальную природу психологических факторов, нам станет понятно почему мы, например, не можем признать правильным положение: «чем хуже, тем лучше».

Голод и нищета в связи с ненавистью являются могучими социальными факторами, но всегда отрицательными по преимуществу; бакунизм видел в них и положительные стороны, но он не только не забывал, но подчеркивал, что отрицательные стороны в них всегда остаются преобладающими и создают в народных массах привычку к рабскому терпению.

Рассмотренные нами факторы, которые обычно не учитывались в достаточной мере, могут оказать решающее значение отрицательного характера. Если революция произойдет в обстановке их преобладания, то она неизбежно погибнет, если же они не будут преобладать, но тем не менее будут составлять значительную силу, то революция найдет в них могучее препятствие своему нормальному и успешному развитию. Если даже физическая победа революции будет достигнута, то строительство ее будет испытывать от этих факторов чрезвычайное затруднение, которое может стать для нее смертельным. Поэтому еще до революции необходимо приложить старания к ослаблению этих факторов. Русский опыт подтвердил и установил правильность тех предположений, которые Бакунин, по справедливости, считал абсолютно необходимыми для успешной социальной революции и ее строительства: наличие сильного пролетарского класса, который ныне

один является носителем новых моральных ценностей и свободы всех, его сознательность, то-есть господство идеи над инстинктом, ясность цели и стремлений, а главное, его сплоченность и организованность, ибо даже три человека, объединенные между собой, представляют источник силы. Русская революция, к сожалению, не обладала этими элементами в достаточной мере. Если бы русский пролетариат имел крепкую классовую организацию, то он не позволил бы государству вырвать у него из рук право самостоятельного распоряжения своей жизнью, не отдал бы свое право насамостоятельное и независимое творчество новых экономических и политических форм общества, вышедшего из революции и не потерпел бы и часа того государственного ярма, под которым теперь он так тяжело страдает...

Однако, рассмотренные нами факторы — не единственные и не основные; они очень важны, но есть и поважней; имеются такие, которые многие из рассмотренных нами факторов могут не только совершенно парализовать в их отрицательном действии, но даже использовать их в положительном для революции и социального строительства направлении. Они, обычно, почти совершенно не учитывались анархистами, но не анархизмом. Это — экономические факторы и в первую голову — производство, его состояние в последний момент, предшествующий взрыву.

Нужно помнить, что марксистское положение, устанавливающее зависимость успешного социального переворота от экономической структуры, не есть, собственно, марксистское, оно входит основным элементом и в систему анархии, по крайней мере, бакунизма. Ведь, Бакунин, именно, этим несоответствием и объяснял невозможность социального переворота, задуманного Бабефом. Для него определенно было ясно, что французская революция не могла не чахнуть от отсутствия необходимого крупного преобразования, «тогда впрочем, по мнению Бакунина, по всей вероятности, и невозможного по экономической структуре общества».

Экономический фактор чрезвычайно важен. Ведь, массы в революции преследуют не идеальные цели, а стремятся к осуществлению своих реальных, очень материальных и прозаических задач. **Хлеб всегда стоял и будет стоять в центре всякой революции, где бы и когда бы она не случилась.** Поэтому заранее нужно учесть состояние капиталистической промышленности, на которую мы посягаем, заранее необходимо определить, хотя-бы приближенно, на сколько ее производительность может удовлетворить потребности революционной

страны, в которой миллионы восставших сейчас-же предъявят требования на полное удовлетворение их потребностей в хлебе, мясе и т. д., которые насильственно и противостоительно так долго сдерживались капитализмом. Мы этим отнюдь не хотим сказать, что революция, как говорят марксисты, будет успешна лишь при полной концентрации производства, при полной зрелости капитализма. Нет, наша задача не сводится к фаталистическому ожиданию полного созревания капитализма. По нашему мнению капитализм может быть зрелым для революции гораздо раньше концентрации всего производства, которая, между прочим, едва-ли когда осуществится. Причем, эта зрелость, точнее, степень зрелости капитализма для революции не везде одинакова, в разных странах она различна. Под зрелостью капитализма для революции мы понимаем такое состояние промышленности данной страны, при котором она может более или менее полно удовлетворять потребности населения. А так как уровень таких потребностей в различных странах различен, то, естественно, и соответствующее состояние промышленности различно. Отсюда наш вывод такой: **для успешной мировой социальной революции не требуется чтобы промышленность всех стран стояла на одинаковом уровне, но требуется, чтобы промышленность каждой данной страны была зрелой по отношению к потребностям этой страны.** Поэтому наша задача должна сводиться к тому, чтобы нащупать эту зрелость, получить ответ на вопрос: насколько и в какой степени промышленность может удовлетворить, более или менее сносно, потребности восставших масс в течение «критического периода» переустройства? Если ответ получается положительный, то пролетариату нет нужды ожидать метафизической зрелости капитализма. Однако, мы должны при этом учесть то обстоятельство, что промышленность, после всех бурь и битв, должна быть в таком состоянии, при котором мы могли-бы ее восстанавливать и развивать, несмотря на условия временного капиталистического окружения, продолжающегося более или менее длительное время. Одним словом, наша задача — получить в наследство такую промышленность, которая не могла-бы нас погубить, как она губит сейчас коммунистов в России, то-есть она должна быть в состоянии, позволяющем ее восстанавливать и расширять ее же собственными средствами,

в противном случае мы неизбежно попадем в положение белки в колесе и погибнем в нем от напрасных усилий.

Обязательно погибнем, ибо **только здоровое производство залог успеха революции.** Больное, недужное производство несет бедность, разочаровывает массы, отупляет и отчуждает их от революции, усиливает у них все выше рассмотренные нами отрицательные психологические факторы и создает у трудящихся психологию примерно такую же, какую создали у пролетариата большевики, организовав бюрократически промышленность. Здоровое же производство, удовлетворяющее запросы масс, роднит их с революцией, уничтожает или парализует отрицательные психологические факторы, использует некоторые из них в положительном направлении и, главное, создает не психологию современного русского рабочего-производителя, а психологию французских крестьян Великой Революции, которые, прилежно распашивая полученную ими от революции землю, приговаривали, подхлестывая лошадь: «но, Австрия, но, Пруссия!»

Деятели социальной революции еще до ее начала многое должны учесть. Исторические опыты, из которых складывается историческое сознание народов и линия социального развития, облегчает нам это предвидение.

Из русского опыта мы можем заключить, что необходимыми предпосылками, без которых строительство социальной революции и сама революция обречены на успех, являются: наличие достаточно большого пролетарского класса, его организованность, наличие у пролетариата таких организаций, которые, отстраняя государство, могли бы взять на себя всю трудность хозяйственного строительства на новых началах, ну, и, конечно, известная степень умственной зрелости пролетариата, ясность цели, господство мысли над инстинктом, нужная доля сознательной решимости, революционности и некоторой, так сказать, жертвенности для общего блага; **все эти элементы должны покоиться на необходимом для успешной социальной революции уровне производства,** то-есть на таком, при котором можно удовлетворять потребности общества, вышедшего из революции, не максимумом, а хотя бы только в средней степени, и при котором его можно было бы восстанавливать и расширять его же собственными силами. Революция не должна ухудшить материальное положение трудящихся, если же она это допустит, то гибель ее неизбежна. Россия — свидетель этого.

Г. Максимов.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Вопросы политической экономии

Прибавочная ценность.

КОГДА рабочий продает свою рабочую силу хозяину, последний ставит его на работу на десять (10) часов, предоставляя ему инструмент и сырье. Но в первые три часа рабочего дня рабочий производит меновую ценность для хозяина, которая равняется, допустим, меновой ценности его рабочей силы за целый день, скажем три доллара. Ценность, созданная рабочим в течение первых трех часов, компенсирует хозяина за дневную плату, которую он уплачивает рабочему.

Рабочий однако, не бросает работу по истечении трех часов, так как он согласился работать десять часов. Он продолжает, таким образом, создавать ценности и в продолжении остальных часов. Иначе говоря, семь часов своего рабочего дня рабочий создает ценности, за которые ему не платят, или, семь часов своего ежедневного труда рабочий отдает созданию ценностей, которые получает хозяин и за которые он ему ничего не платит. Работодатель будет, конечно, говорить, что он платит рабочему за десять часов и в доказательство этого будет показывать или цитировать контракт. Под прикрытием этого ложного утверждения с таким большим успехом и скрывается эксплуатация рабочего в условиях капитализма.

Оплаченное и неоплаченное рабочее время.

Очень легко было подметить эксплуатацию подневольного раба. Ему предоставлялись все средства к жизни в соответствии с уровнем жизни рабов в рабском обществе, а продукты его труда принадлежали хозяину. Нет трудности понять природу и размер эксплуатации рабов. Эксплуатация крепостного крестьянина также вполне очевидна. Он обрабатывал помещику землю большую часть года и свою землю остальное время. Что-же касается наемного рабочего, то на первый взгляд кажется, что ему платят за все время тогда, как на самом деле ему платят только за часть времени. Остальное время (семь часов) он работает и ничего за это не получает. Следовательно, рабочее время рабочего разделя-

ется на два различных периода: на время, за которое ему платят и на время, за которое он не получает ничего взамен — **оплаченное и неоплаченное рабочее время.**

Из этого следует, что товары, которые являются продуктом затрат рабочей силы рабочим — кристаллизация ее — имеют в себе также два элемента — оплаченный и неоплаченный труд.

Но, так как эти товары обмениваются один на другой на основе социально-необходимого труда, потребного для их производства, то из этого следует, — что их меновой ценностью является сумма оплаченного и неоплаченного рабочего времени в каждом из них.

Хозяин, покупая рабочую силу рабочего, пользуется ею, чтобы получать ценности, за которые он рабочему не дает ничего взамен — прибавочные ценности. Эта разница между заработком рабочего и ценностями, получаемыми от его труда, и позволяет капиталисту богатеть и держать самого рабочего в нищете.

В условиях капитализма это не называется грабежом. Наоборот, это считается в высшей степени моральным и заслуживающим уважения; это легализовано и освящено; одобрено нашими «лучшими» гражданами и благозвучно называется «бизнесом».

Вопросы.

1. Что случается, когда рабочий продает свою рабочую силу?
2. Как рабочий день разделяется в отношении рабочего дня чернорабочего?
3. Каким образом эксплуатировался подневольный раб?
4. Каким образом эксплуатируется наемный рабочий?
5. Имеется ли какая разница между подневольным рабом, крепостным и наемным рабочим? Объясните эту разницу.
6. Если наемный рабочий продает свою рабочую силу на десять часов, каким же образом хозяин эксплуатирует его?
7. Каким образом теперешнее рабство скрывается от рабочего?
8. Почему, по вашему мнению, рабочие не могут понять, что их обирают в индустриях?

Хроника международного рабочего движения

ГЕРМАНИЯ.

Ужасный призрак безработицы.

Рано наступила суровая зима. Счастлив тот, кто может сидеть у теплой печки и кто обеспечен всем, что желает его душа; но несчастлив тот, кто имеет пустой желудок, кто не имеет где преклонить свою голову или кто с женой и детьми должен нуждаться. Вдвойне несчастны безработные, армия которых все растет. Каждый день приносит новые жертвы парю-голоду. Один Берлин насчитывает 100.000 безработных. В Рурской области дефицит замолка. Многочисленна будет толпа тех рабочих, которым придется отстаивать право на жизнь.

Безработица — крупная проблема, которой уделяется внимание общественностью. Городские управы, правительство и рейхстаг вынуждены заняться вопросом безработицы. И ни в одной Германии, во всех странах! Повсюду тоже самое явление. Безработица — сущность капиталистического хозяйства. Она есть следствие частной собственности на землю и недра, на средства производства и сообщения. Чем больше число безработных, тем больший выбор имеют предприниматели на рынке рабочей силы, тем дешевле они могут ее купить, другими словами, тем успешнее они могут понижать заработную плату и увеличивать рабочий день. Мы часто видим, что предприниматели закрывают свои фабрики и открывают их для рабочих только тогда, когда они пожелают работать свыше 8-ми часов и по пониженной заработной плате. Если, с одной стороны, безработица частично является результатом сознательного желания капиталистов, то, с другой стороны, она есть следствие кризиса капитализма, над которым он сам не властен. Низкая заработная плата рабочих влечет за собой то, что рабочие, образующие огромную массу потребителей, не в состоянии удовлетворять свои потребности. Возможности сбыта становятся сравнительными, товарные рынки переполняются и наступают так называемое „перепроизводство“. Капиталисты должны временно приостанавливать производство, эта приостановка производства или закрытие фабрик приписывается рабочим безработицу.

Чтобы сократить безработицу и смягчить ее последствия, жестокую нищету среди пролетариата, придут в движение городские управления и государство. Городскими управлениями и правительством будут призваны социал-демократы, чтобы организовать помощь рабочим. И чтобы отвести худшее, при всеобщем давлении с.-д. поощаются побывать во всех инстанциях, чтобы немного утолить нужду и облегчить нищету. Но от этого ничего не изменится, ибо все эти мероприятия есть ничто иное, как капля воды на горячий камень; городское управление бессильно устранить кризис безработицы. Государство и правительственные органы в лучшем случае могут быть наделены чрезвычайными полномочиями, но они, несмотря на это, абсолютно бессильны наладить экономическую жизнь, так как господами положения являются экономически господствующие классы.

Общественный комитет имперского правительства по-

становил повысить денежную выдачу для безработных первого разряда на 30%. После этого повышения вспомоществования для безработных группы „А“ (для женатых безработных, имеющих трех детей), будет равняться 22 м. 62 пф. (51/4 дол.), неженатый же безработный, в возрасте свыше 21 года, получит 10 м. 53 пф. (21/2 дол.), а неженатый моложе 21 года — 6 м. 32 пф. (1 1/2 дол.) в неделю. В более низших группах вспомоществование еще ниже.

Если мы, как это высчитал статистик Кудинский, эти денежные пайки сравним со стоимостью продуктов первой необходимости, то найдем, что недельный прожиточный минимум для семейства в пять человек равен 36 м. 68 пф. (8 3/4 дол.), для неженатого в возрасте свыше 21 года — 18 м. 83 пф. (4 1/2 дол.) и столько же для безработного в возрасте ниже 21 года. Эти повышения настолько ничтожны, что каждый отец семейства с тремя детьми понимает, что с 36 1/2 м. он не может свести концы с концами; неженатый рабочий на 19 марок также не может существовать.

Вспомоществование, следовательно, недостаточно и оно не устраняет нужду безработных. Ко всему этому присовокупляется еще обстоятельство, затрудняющее доступ к пользованию этим нищенским пайком — им может воспользоваться только часть безработных: только тот может предъявить претензию на помощь, кто находился на работе непрерывно в течении трех месяцев. Эта оговорка влечет за собой то, что иногда сильно-нуждающиеся останутся на бобах. Имена перед глазами все это безобразия, мы в то же время видим, что тоже самое правительство выбрасывает на ветер неизмеримой ценности и огромной стоимости бывшие княжеские дворцы, за которые, как обеспечение, один только Гогенцоллерн получает 30 миллионов марок чистоганом; это показывает, что ни в одной стране эта стерва не будет так бесперемежно обращаться с рабочими, как в Германии. В других странах безработные не должны платить никаких налогов, чтобы получать вспомоществование и все-же безработные там получают помощь в гораздо большем раз-
мере, чем в Германии.

В Англии женатый безработный с тремя детьми получает на 12 м. (около 3-х дол.) в неделю больше, чем в Германии, а неженатый на 10 марок больше. В Швеции вопросом помощи безработным займется парламент. Предусматривается, что безработный должен получать две трети своего обычного заработка. Также и в Дании о безработном заботятся гораздо лучше, чем в Германии; как раз теперь датскому парламенту представлена на утверждение ассигновка 9 миллионов крон на организацию государственных работ, как помощи безработным. Замечательно, за это предложение голосовали даже консерваторы.

Конечно, указание, что в других странах безработные получают более высокое вспомоществование, не облегчает положение безработных Германии, но оно может

служить рабочим Германии освещением, проводимой с божьим шумом рачьей политики немецкой социал-демократии, которая, несмотря на то, что является самой большой партией в рейхстаге, совершенно не входит в положение безработных.

Безработица не может быть побеждена в парламенте. Она будет иметь место пока существует капиталистическая система. Она присуща капитализму и уничтожится вместе с ним. Даже в России, восхваляемой коммунистами, имеется огромная безработица, потому что там страной управляет государственный капитализм. Частный же, государственный и капитализм — это одно и то же. Нет никакого капитализма без кризисов безработицы. Русское государство также мало может быть господином безработицы, как и немецкое или какое-либо другое государство. Рабочие сами, объединившись в революционную классово-боевую организацию, могут устранить безработицу с капитализмом, уничтожая одновременно с этим и государство. Если бы немецкий пролетариат при вспышке революции экспроприровал капитализм, взял в свои собственные руки производство и устранил систему заработной платы, то теперь он не стоял бы перед надвигающимся ужасным призраком безработицы, так как было бы социалистическое общество, основанное на потребностях, с разумным планом и со справедливым распределением труда и погребения.

КИТАИ.

Декларация основных принципов Союза профессиональных союзов Шанхая.

Федерация профессиональных союзов Шанхая, основанная 8-го марта 1924-го года, в состав которой входит 24 местных союза, заложила свои основные принципы в манифесте, который гласит:

„Мы утверждаем, что все без исключения рабочие имеют право на жизнь. Однако, современное общество разделено на два класса, из коих один живет со всеми удобствами не работая, а другой должен много работать, чтобы быть в состоянии кое-как поддержать тело и душу. Немногие живут роскошно благодаря эксплуатации многих. Мы, рабочие, являемся теми, которых эксплуатируют и которые всю свою жизнь изо дня в день вынуждены тяжело работать, чтобы кое-как поддерживать свое существование.

Если мы хотим защищать свою жизнь, то это не может происходить индивидуально и в одиночку; рабочие имеют общие интересы и должны объединиться. Это — главное, почему мы организовали нашу федерацию.

Мы такого мнения, что потребности человека 20-го века сводятся не только к чисто материальному характеру. Мы требуем человеческого существования и хотим завоевать помимо хлеба и одежды также и знание, довольство и искусство; мы требуем, чтобы была дана возможность для этого и чтобы мы могли развивать нашу духовную культуру.

К сожалению, при настоящей системе рабочие не могут пользоваться плодами столь высоко развитой культуры. В настоящем мы едва имеем возможность научиться читать и писать. Наукой и искусством за наш счет поль-

Но мы не можем ждать пока капитализм будет возвращен. Как революционные синдикалисты, мы должны заниматься вопросами дня и нищеты рабочих. Это давно поняли синдикалисты всех стран и на учредительном конгрессе синдикалистского интернационала (М. Т. Р., 1921 г.) синдикалисты заняли в этом вопросе определенную позицию. Они предложили рабочим всех стран, во время большой безработицы, добиваться сокращения рабочего времени, чтобы насколько возможно смягчить безработицу хотя бы частью пролетариата. Справедливо было указано, что подобные мероприятия поднимают долг солидарности рабочих и уничтожают деление рабочих на две группы с противоположными интересами.

В этом смысле рабочие Германии должны устранить пороки безработицы. В таком случае они в настоящем не только не отворачиваются от нищеты своих братьев, ставшими безработными, но даже расчищают путь для боевой классовой этики, находящей свое ясное выражение в солидарности. Если солидарность наша доступна массам, в сердца рабочих, то этим создаются благоприятные условия, сокращающие работу по объединению пролетариата данной страны, при которых созреет момент для решительных действий, ведущих к конечному освобождению. (Передовая из „Дер Синдикалиста“).

зуется капиталистический класс. Им злоупотребляет господствующий класс, используя их для нашего угнетения.

Можем ли мы когда-нибудь приобрести для себя эти высочайшие ценности и благороднейшее творчество культуры, если не объединимся? Это второе основание, почему мы организовали федерацию.

Рабочие имеют, с одной стороны, общие экономические интересы, с другой, общий идеал нового общества. Наша организация построена на этих двух принципах.

Наши требования: в настоящем на почве классового сознания и взаимопомощи мы общими усилиями ведем борьбу за улучшение нашего материального положения и за развитие наших духовных способностей. Мы будем творить наше лучшее завоеванием возможности дальнейшего образования рабочих, более высокой заработной платы, более короткого рабочего дня и т. д. В будущем мы хотим создать единую организацию производителей, организацию мира рабочих. Но наша организация, однако, должна быть федералистической, децентрализованной, так как мы меньше всего нуждаемся в бесполезном руководстве. Мы против всех так называемых социалистов. Все что мы делаем, должно делаться нами самими. Мы абсолютно независимы от всех партий; мы надеемся при помощи нашей федерации организовать один всеобщий союз всех профессиональных рабочих организаций Китая“.

Федерация имеет свой печатный орган „Вестник Труда“, который раньше выходил три раза в месяц, а теперь выходит еженедельно. — (Бюллетень М. Т. Р.).

ИНДИЯ.

Один из корреспондентов М. Т. Р. в Бомбее сообщает от 25 сентября п. г. следующее:

„Забастовка текстильщиков приняла огромные размеры: из 82 предприятий работают только 4. В стачке принимают участие около 150.000 рабочих. Пошли в ход стачколомы и националистическая буржуазия жалостливо смотрит на правительство и надеется, что оно заступится. Предприниматели имеют „перепроизводство“ и надеются, что стачка поможет им получить еще большие барыши. Один господин, по имени Талчеркар, бывший в

Америке, во всех агентурных известиях правительства и капиталистов выставляется в качестве „рабочего вождя“. Газеты пишут, что Москва дала 10.000 рублей для дальнейшего ведения забастовки, и полиция этим очень озабочена, чтобы узнать в чьих руках находится этот фонд. Затем, желтые признаны вождями: деньги переданы желтым организациям, которые вполне согласны с московским требованием. Деньгами воспользуются вожди, в то время как рабочие вернутся в родные деревни“.

РОССИЯ

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ.

От заживо погребенных.

От редакции. Из Тобольской каторжной тюрьмы „Социалистическому Вестнику“ доставлен следующий потрясающий документ, печатаемый нами полностью:

Дорогие Товарищи! Вы уже знаете о ликвидации Соловецкого концлагеря для политзаключенных — социалистов и анархистов. Об этом поспешила оповестить по всему миру сама большевистская власть. Недаром сообщение о ликвидации Соловков появилось в газетах в тот самый день, когда вооруженные чекисты внезапно окружили скиты Соловецкого лагеря и объявили политзаключенным приказ ГПУ о переводе на материк. Недаром председатель ВЦСПС Томский рассказывал об упразднении Соловецкого лагеря приезжавшей в Россию франко-бельгийской рабочей делегации. Недаром во всей советской прессе кричат без конца об укреплении законности и о прекращении режима террора. Вероятно, и в заграничных коммунистических газетах на все лады воспеваются гуманность большевистской власти, упразднившей Соловки. И, может быть, иной неискусленный и большевистском лицемерии рабочих и впрямь подумает, что наступил, наконец, перелом в большевистской системе репрессий, что, наконец, социалистам и анархистам можно в России свободно вздохнуть. Наш долг перед рабочими всего мира заставить вас рассказать вам, товарищи, правду, неприкрашенную и неприглядную правду о том, *как были ликвидированы Соловки*.

Социалисты и анархисты увезены с Соловков, но на этих заброшенных островах у северного полярного круга, отрезанных большую часть года от общения с живым миром, *осталось еще не мало политзаключенных*: рабочих-стачечников, участников рабочих движений, крестьян, сосланных за участие в крестьянском движении, отдельных социалистов и анархистов, почему то непризнанных в ГПУ за политических, — говоря уже о многочисленной группе так называемых казров („контр-революционеров“), осужденных за религиозные убеждения и т. п. Все они находятся на общеуголовном режиме, отбывая жестокую каторгу, установленную на Соловках для уголовных заключенных, умирающих от голода и непо-

сильной работы, систематически избиваемых и без суда расстреливаемых безнаказанной администрацией, набранной из уголовных отбросов. Все они остались на Соловках в сугубо тяжелом положении, ибо с увозом основной группы социалистов и анархистов, Соловецкая администрация, ничем более не сдерживаемая, будет расправляться с ними беспощаднее прежнего.

Социалисты и анархисты увезены с Соловков, но 6 трупов убитых во время расстрела 19 декабря 1923 г. покоятся в братской могиле в Саватеевском скиту и рядом — могила безвременной умершей тов. *Борухи*, не перевезенной во время на материк для оказания медицинской помощи; а в соседнем Муксомоломском скиту — прах покончившего самсубийством молодого товарища *Сидора* и две могилы в пересыльном пункте в Кеми — покончившего самоубийством тов. *Ароновича* и насильственно переведенной на уголовный режим тяжело больной *Марцимышевич*. Десять трупов за два года — страшная дань большевистскому террору! Ужасная цена, которую пришлось заплатить за ликвидацию Соловецкого концлагеря! Ибо негодование, охватившее сознательных рабочих всего мира после расстрела 19 декабря, сделало невозможным дальнейшее заключение социалистов и анархистов на Соловках. Не гуманность большевистской власти, не отказ от жестоких репрессий против социалистов и анархистов, — только протест всего сознательного пролетариата заставил увезти политических с Соловков. Ибо, даже уступая, эта власть, самая лицемерная, самая мстительная в мире, постаралась на своих пленниках, бывших заключенных Соловецкого лагеря, выместить свою слепую, мелкую злобу.

На заре 17 июня вооруженные отряды чекистов и красноармейцев неожиданно окружили самый большой из скитов Соловецкого лагеря — Саватеевский. Нехота, казавшаяся, даже пугает, выставленный против главного корпуса — все это вызвало полное недоумение и естественное ожидание какой нибудь новой расправы. Наконец, объявили, что увозят на материк, куда — неизвестно. Дали два часа на сборы. Грубость, издевательства, беспрестанные угрозы во все время сборов и в пути. Та же картина повторялась и в других скитах. Заключенных

Муксомомского скита после семиверстного пешего перехода, заставили поехать три версты до пристани *бежать бежим, напирая сзади лошадей*, не считаясь с наличием женщин и больных. Сам начальник Упр. Сев. лагерей *Потес* и начальник тюрем, отдела ГПУ *Дукис* проводили эту операцию. И только благодаря тому, что здоровые и более крепкие приняли на себя удары лошадей, защитив собой больных и слабых, только благодаря исключительному хладнокровию и выдержке товарищей эта последняя попытка провокации на Соловках не кончилась ужасной трагедией, и переход обошелся без человеческих жертв.

Пароход, доставивший заключенных на материк, был набит до того, что в буквальном смысле нечем было дышать. В тесном, до нельзя набитом трюме, с закрытыми люками и иллюминаторами, людям, измученным только что перенесенным пешим этапом, не только нельзя было прилечь, но большую часть перехода пришлось *просто-таки на ногах*. И сюда поместили *матерей с грудными детьми*.

По прибытии на материк, разместили по вагонам, не считаясь с родственными связями, изолировав вагоны друг от друга. Был случай, когда беременную женщину с ребенком 1½ лет на руках грубо оторвали, угрожая насильем, от мужа, — а он должен был уехать за тысячи верст, не имея возможности проститься, не зная, куда он едет, куда отправляют жену. В поезде вагоны оказались переполненными сверх всякой меры: в помещение, рассчитанное в обычном пассажирском поезде на 42 человека, набили 87, и путешествие происходило в оудяющей духоте, в разгар лета, — с некоторыми товарищами были обморочные и сердечные припадки. В такой невыносимой тесноте мы путешествовали 9 долгих суток, и за все это время нам выдавалось явно недостаточное продовольствие, — даже сырой воды нельзя было добыть в достаточном количестве. Серьезные больные, имевшиеся в нашей среде, получали общую пищу и были предоставлены собственной участи.

Эти условия увоза с Соловков не предвещали ничего хорошего в дальнейшем. Действительность оправдала самые худшие ожидания. Всех вывезенных с Соловков политических развезли по двум тюрьмам: большую часть в *Вергине-Уральск*, другую — около 100 человек — в *Тобольск*. Мы, заключенные в Тобольской тюрьме, не имеем пока точных сведений о режиме Верхнеуральской тюрьмы; но мы можем вам рассказать о том, что мы получили в Тобольске взамен Соловков.

Нас поместили в бывшей каторжной тюрьме города Тобольска, в далекой Сибири. Даже в царское время неоднократно поднимался вопрос об упразднении сибирских каторжных тюрем, в виду удаленности от центра и тяжелых условий заключения. Большевицкая власть, ликвидирова Соловки, не нашла ничего лучшего, как вспомнить о царских каторжных тюрьмах Сибири.

Все увезенные с Соловков были приговорены не к тюрьме, а в концлагерь. Поэтому, при всей тяжести общих условий Соловецкого лагеря, внутри проволоки, ограждавшей наши корпуса, мы пользовались сравнительной свободой. Мы не имели внутреннего надзора, в корпусах наши камеры были открыты, мы пользовались правом свободного общения друг с другом и прогулкой во дворе от поверки до поверки. Взамен этого мы в То-

больске очутились в настоящей заправской тюрьме, с закрытыми камерами, со знаменитой, отравляющей воздух „парашей“, с изоляцией камер друг от друга, со штатом надзирателей, специально для нас переведенных из Московской Бытутренней тюрьмы ГПУ и устанавливающих здесь те же порядки. Мы получили новое, гораздо более суровое наказание, — а ведь новых „преступлений“ никто из нас не совершал, и никто наших приговоров не пересматривал. Люди, уже много лет прошедшие в царских и большевицских тюрьмах, помещены в общие камеры по 14-17 человек, где, конечно, невозможны серьезные занятия. Наш продовольственный паек значительно урезан по сравнению с Соловецким, причем продукты выдаются без всякого контроля со стороны заключенных. Старостат, как орган заключенных, не признается администрацией. Больницы и больничной помощи не существует, фактически нет и больничного питания. Ибо нельзя же считать больницей жалкий мужской околоток на 3-4 человека, лишенный элементарных медицинских приспособлений. И наши больные, среди которых есть нервно-больные и туберкулезные в тяжелой форме, вынуждены жить в общих камерах, на общем режиме, без больничного питания и почти без медицинского ухода. Тюрьма двухэтажная; камеры нижнего этажа сырые и темные, и в них вынуждены жить больные товарищи, а здоровые находятся под вечной угрозой превратиться в больных.

Заброшенные за 3000 верст от центра, почти в 300 верстах от линии железной дороги, мы фактически осуждены на полную почти оторванность от родных, и только немногие из нас могут рассчитывать на случайный приезд на свидание. И при всем том нас *ограничивают даже в переписке*, ограничивают в адресатах, разрешая писать только ближайшим родственникам, ограничивают в числе писем, не только отправляемых, но и получаемых. Даже тюрьма царская не додумывалась до этого новейшего изобретения ГПУ! И в довершение картины — специально подобранный штат администрации, надзора и красноармейцев, в которых развивают исключительное чувство ненависти против нас, которые только ждут подходящего случая для расправы. Несмотря на полученное от администрации разрешение смотреть в окна, — постоянные угрозы стрельбой по стоящим у окон. И за короткое время нашего пребывания *два случая стрельбы*, к счастью не приведшие к жертвам. Но что жертвы возможны, что повторение Соловецкого расстрела 19 декабря почти неизбежно в теперешней обстановке Тобольской тюрьмы, — это показал последний случай стрельбы 7-го августа, когда, в ответ на поданный заключенными после выстрела стук для вызова начальства, нам ответили угрозой винтовками со двора через окна и револьверами из коридора через волчьи запертых дверей. Нецензурная брань, крики вроде „меньшевистская сволочь“, „патронов не жалеть“, „христопродавцы“ и проч., дуло направленных винтовок и револьверов, совершенно озверевые и явно пьяные надзиратели, дико метавшиеся по корридорам от камеры к камере, угрожа я расстрелом на замок запертым людям, — все это ясно показало нам, в чьи руки отдало нас ГПУ в Тобольской тюрьме.

Вот та „гуманность“, которую проявила большевицкая власть по отношению бывших соловчан, переве-

денных на материк! Эту гуманность испытали на себе и остальные политзаключенные в Тобольской тюрьме. Ее испытали челябинцы, переведенные сюда из Челябинского изолятора, где они в результате нескольких голодовок пользовались открытыми камерами, свободным общением друг с другом, одиночками для наиболее нуждающихся. В Тобольске они оказались на общем режиме; присужденные к долгосрочному заключению (5-10 лет), они вынуждены томиться в общих камерах, не имея одиночек даже для больных, даже для тех, кто имеет за собой по 15 лет царской и большевистской тюрьмы, отнявших здоровье и силы, кто многодневными голодовками завоевал себе одиночку. Большевистскую гуманность испытала на себе и переведенная из Ярославской тюрьмы группа анархистов (в их числе беременная женщина), которые были посажены в Тобольске на уголовный режим и голодовкой вынуждены были добиваться перевода в политизолятор, как вынуждены сейчас добиваться этого десятки социалстов и анархистов, которых ГПУ по разным соображениям отказывается признать политическими.

Господа Томские говорят о гуманности, а германские и всякие иные „рабочие делегации“ слушают их речи и в отчетах славословят большевистскую свободу. Но почему ни разу за все время существования Соловков ни одной делегации не показал Соловецкого лагеря? Английская рабочая делегация намеревалась приехать на Соловки, но ее не пустили под предлогом отсутствия сообщения, хотя навигация тогда еще не прекращалась. Советские газеты сообщают о посещениях германской рабочей делегацией тюрьмы в Свердловске (Екатеринбург) и о беседе делегатов с политзаключенными. Мы не знаем, с какими политзаключенными беседовали германские делегаты в Свердловске, где нет постоянной тюрьмы для политических. Но мы спрашиваем, зачем спешно белили грязные камеры Свердловского изолятора, зачем срочно были переведены из него в ГПУ в ночь на 4-ое августа перед самым приездом делегации т. т. *Борисенко*, *Тарноцкий* и *Енукашвили*? Мы спрашиваем, почему никто из делегатов не посетил Тобольской тюрьмы, тюрьмы в Верхне-Уральске, где содержатся сотни политических? Почему туда не пустили рабочих делегатов? Почему не открыли перед ними двери наших камер, чтобы показать воочию, как мы наслаждаемся большевистской свободой, после Соловков на материке, после Челябинска в Сибирских каторжных тюрьмах? Мы бы рассказали им о всех прелестях этой свободы, мы бы рассказали, за что и как мы попадаем в большевистские тюрьмы. И они бы тогда узнали, что огромное, подавляющее большинство из нас отбывает наказание не по приговору гласного суда — пусть „пролетарского“ суда, пусть большевистского суда, а по воле ГПУ, которое в своих тайных канцеляриях, на подобие средневековой инквизиции, выносит свои „приговоры“. Они бы узнали, что из 126 политзаключенных Тобольской тюрьмы только 21 человек имеет судебные приговоры, а из 260 бывших соловцевских заключенных, испавших в Верхне-Уральске, только один осужден по суду; остальные осуждены постановлением ГПУ не за какое либо конкретное преступление, не за вооруженную борьбу с большевистской властью, как бессовестно лгут коммунистические газеты в России и за границей,

а за одну лишь принадлежность — иногда даже в прошлом — к социалистическим и анархистским партиям, за то, что они смеют не по казенному мыслить и чувствовать. Только один из 126 заключенных в Тобольской полит. тюрьме осужден по обвинению в участии в Тамбовском восстании (расстрел заменен ему 10 годами тюрьмы); один осужден за участие в экспроприации, — все остальные обвиняются за принадлежность к политическим партиям или анархистским группам, в активной партийной работе, в распространении партийной литературы. За это мы получили тюрьму и концлагерь. За это четверо из нас приговорены к расстрелу, замененному десятилетней тюрьмой. За это 115 опрошенных товарищей провело до 360 лет в большевистских тюрьмах и 16 лет в ссылке — по три года и один месяц тюрьмы на человека в среднем. А некоторые из нас за 8 лет большевистской власти провели в тюрьме по 5 и более лет и нет ни одного из этих 115 человек, кто получил бы свой последний приговор в ходе гражданской войны: 29 человек осуждено в 1922 г., 53 человека — 23 году, а остальные — в 24 и 25 году, когда о гражданской войне не могло быть и речи.

И достойно внимания для характеристики большевистской законности: из 360 лет, проведенных нами в большевистских тюрьмах, 60 лет мы провели в „предварительном“ заключении, из них только 16 лет было нам зачтено (исключительно по судебным делам). Свыше 43 лет предварительных незачтенных — вне всяких приговоров судебных и административных. Среди нас есть товарищи, которым не зачтено по 1 году, но 2 даже по 2½ года предварительного заключения.

360 лет тюрьмы большевистской! А позади — 220 лет каторги, тюрьмы и ссылки за время царизма. 53 человека из 115 подверглись репрессиям со стороны царской власти — свыше 4 лет на каждого в среднем, не говоря уже об отдельных товарищах имеющих за собой по 10 лет заключения и больше. В том числе 11 каторжан (1 приговорен к расстрелу царским судом), проведенных 70 лет на царской каторге, испытавших там карцер, порку и избиения. И среди них 9 каторжан пролетариев, с 9-10 летнего возраста продававших свои рабочие руки, среди них старый каторжанин, отбывший 10 лет 4 месяца царской каторги в Шлиссельбурге, 3 года царской тюрьмы и 3½ года ссылки, прошедший свыше 400 суток в карцерах, рабочий-токарь, с 1898 года участвующий в революционном движении, — и теперь получивший от большевистского суда 10 лет тюремного заключения.

Таковы те „контр-революционеры“, которых теперь сажает в свои тюрьмы большевистская власть, — в большинстве это старые партийные работники, примкнувшие к рабочему социалистическому движению задолго до 1917 г.; из 115 человек — 112 партийных, из них — 64 вступили в партию до 1917 года, в том числе 28 — до 1905 года. 13 лет партийной деятельности на каждого заключенного; это не исключение — таков состав всех по политическим тюрьмам и ссылкам большевистской России. И эти люди, измученные долгими годами царских репрессий, вынуждены теперь вести в большевистской тюрьме тяжелую, отчаянную борьбу за режим, за сохранение своего человеческого достоинства, за свою жизнь. История этой борьбы знает такие подвиги большевистской

власти, как Бутырское избиение 300 социалистов и анархистов в 1921 г., как зверское избиение в Ярославской тюрьме в конце 1922 года, как Соловецкий расстрел 19 декабря 1923 года. Голодовки в большевистских тюрьмах стали бытовым явлением. Голодают за перевод на политический режим, за одиночки, за смягчение суровых условий заключения. Голодают так, как никогда не голодали в царское время. Голодают в одиночку и целыми коллективами — еще только осенью 1924 года голодали в течение 15 дней 150 человек в Соловецких скитах. У нас, тобольчан, из 115 человек голодало 85, т. е. три четверти всех товарищей. 268 раз по 3 голодовки с лишним на человека, по 22,5 дня на каждого голодавшего.

Чем дальше тем больше становится голодовочный рекорд, устанавливаемый большевистскими тюремщиками. Последние голодовки в Челябинске, в Суздале установили этот рекорд в 24 дня. Среди нас имеется товарищ, перенесший две голодовки — одну в 17, другую в 24 дня. Среди нас есть женщина с р-ка, избитая агентами ГПУ на 4-й день голодовки до потери сознания. Удивительно ли, что заключенные перестают верить в действительность голодовок и переходят к *самоубийству*, как средству борьбы?... Обо всем этом узнали бы иностранные рабочие делегаты, если бы им дали действительно свободный пропуск к русским политическим заключенным.

И еще одно узнали бы они о большевистской свободе — то, о чем, вероятно, не знает и не думает большинство европейских рабочих. Они узнали бы, что, *раз попал в лапы ГПУ, социалисту России из них уже не вырваться*, если только он не отречется от своего знамени и не принесет публичного покаяния на страницах большевистских газет. Только такой позорной ценой он может купить себе свободу и кусок хлеба голодной семье. Иначе ему предстоит бесконечный путь из кондагера в тюрьму, из тюрьмы — в ссылку, из ссылки — снова в тюрьму. Для этого ему не нужно совершать новых преступлений против власти, он должен только остаться верен своим политическим убеждениям. Нас приговаривают к 3, 5, 10 годам лагеря или тюрьмы, но что для нас эти сроки когда *по отбытии наказания нас отпускают на волю, а в ссылку, в сибирские тундры, в Турханск и Обдорск, Мезень и Печору у полярного круга?* В этом нет ни слова преследования. Из *многих сотен тысяч, попадавших в лагеря и тюрьмы, буквально единицы вышли на свободу!* Остальные в далеких ссылках, и среди них женщины с младенцами на руках, серьезно больные, старики, имеющие за собой царские тюрьмы и казнь, юноши, лишь недавно прикнуженные к рабочему

движению. Оторванные от родных и друзей, без работы, без средств, лишенные органами ГПУ возможности, а иногда и права зарабатывать на существование, только успевшие обжиться и вновь выслаемые дальше в еще более дикую глушь, — прозябают по ссылкам наши товарищи, кончают срок и получают новую ссылку, а часто снова попадают в тюрьму за неведомое преступление в безлюдной глуши, — и снова годы заключения, и новая ссылка, и так без конца... И странно: чем больше кричит о законности большевистская пресса, тем более жестоким в своей изобретательности становится ГПУ! Еще 3—4 года тому назад ссылали в Туркестан и на Урал, в Вятку и в другие пункты европейской России. Затем стали заселять Нарым, потом — болота Печоры, теперь — вспоминали даже про юрты Обдорска, о которых редко вспоминали и в царское время!

Ни гнусные царские суды, ни буржуазные суды Европы и Америки, жестоко преследующие революционеров, не знали и не знают ничего подобного. А в этом весь ужас большевистского террористического режима. И об этом должны знать социалисты и рабочие всего мира: в „свободной“ большевистской России, в стране, которая давно уже вышла из состояния гражданской войны, которая хвастает укреплением власти, — в этой стране *социалисты вне закона!* В ней нет ни одного социалиста или анархиста, о котором знала бы власть и который был бы доступен для рук ГПУ, — и не томился бы где нибудь в лагере, тюрьме или ссылке! И пока существует этот „свободный“ режим, — ни одному из его пленников не увидать свободы!

Таковы факты — пусть их опровергают певцы российской свободы!

Мы рассказали вам про эти факты, товарищи, чтобы вы знали, как лицемерны и лживы все речи о ликвидации или даже смягчении террора в большевистской России. Чтобы вы знали, что террор царит у нас во всей своей первобытной неприкосновенности, и даже усилился за последнее время. Чтобы вас не ввело в заблуждение упразднение Соловецкого лагеря, — чтобы вы знали: его сменила Тобольская каторжная тюрьма. И чтобы ваш старый лозунг — лозунг всех социалистов и анархистов по-прежнему мощно и неустанно звучал из ваших рядов: *долой террор в России!*

— Фракция РСДРП, фракция ПСР, фракция ЛСР, группа СД. (?)

АРЕСТ А. БАРОНА.

Тов. А. Барон, отбывший заключение в Соловках, был сослан в Вийск. Ныне, по полученным из России сведениям, Барон снова арестован и отправлен в Красноярск. При аресте забрана переписка с иностранными товарищами. Переписка, повидимому, и является причиной ареста. Какие намерения имеют чекисты по отношению тов. Барона — неизвестно.

1) Вот данные по Соловецкому лагерю: из 47 человек, окончивших срок Соловецкого кондагера в течение 24-25 г., отправлено в ссылку 29 человек, под надзор ГПУ с ограничением выбора места жительства (т. е. с воспрещением проживания в крупных пунктах) — 9 человек, под надзор ГПУ без ограничения выбора места жительства — 3 человека, на родину под надзор ГПУ — 6 чел.

Жизнь организации И. Р. М.

СЕМНАДЦАТЫЙ С'ЕЗД.

9-го ноября 1925 года секретарь-казначей, тов. А. Колман, открыл 17-ый с'езд организации Индустриальных Рабочих Мира. На с'езде присутствовало 11 делегатов. Число делегатов на этом с'езде по сравнению со с'ездами прошлых лет малое, однако, все союзы были представлены. Малочисленность делегатов объясняется тем, что индустриальные союзы не считали нужным посылать делегацию, а ограничилиcь одним, только союзы сельскохозяйственных рабочих и моряков имели по два делегата. Вначале с'езда от союза моряков присутствовал один делегат, другой прибыл только на шестой день с'езда, таким образом, всех делегатов было двенадцать.

Первое, что было решено на с'езде, это — распределение голосов среди делегатов. Вопрос этот был решен так: количество голосов каждого делегата определяется числом платящих членов, за которых индустриальные союзы вносили отчисления в главную контору организации. После этого последовали доклады членов Исполнительного Комитета и должностных лиц, как-то: секретаря-казначей, председателя Исполнительного Комитета и секретаря Комитета Защиты.

После докладов должностных лиц с'езду была предложена резолюция относительно перевода членов из одного союза в другой. В данное время, имея в виду возможность установления каждым союзом вступительных и членских взносов по его желанию, является важным подтверждение с'ездом старого постановления, что перевод из одного союза И. Р. М. в другой должен и впредь быть свободным. Что же касается определения суммы вступительных и членских взносов каждым союзом в отдельности, так этот вопрос поставлен на референдум для одобрения членским составом. Некоторые изменения сделаны в прежних постановлениях о сроке должностных лиц. До сих пор в И. Р. М. было так: должностные лица, за исключением редакторов, избирались на один год без права переизбора в течение одного года. После дебатов было решено, что срок должностных лиц по-прежнему ограничивается одним годом, но допускается переизбрание три раза подряд. Этот вопрос тоже поставлен на референдум.

Из докладов секретаря-казначей, председателя Исполнительного Комитета и некоторых членов Исполнительного Комитета выяснилось, что работа организации в смысле ведения пропаганды не может быть расширена до нужных размеров, так как ограниченность средств не позволяет этого. В связи с этим с'ездом принято решение, чтобы главная контора И. Р. М. выпускала в течение каждых четырех месяцев специальные марки в один доллар, покупка которых является в обязанности каждому члену. Вырученная от продажи этих марок сумма будет распределяться в следующем порядке: 20 процентов в главную контору, 15 процентов на прессу, 15 проц. в Комитет Защиты, 50 проц. в индустриальные союзы тех отделов, которые будут продавать марки.

С'езду было предложено заменить ныне существую-

щую систему малых индустриальных союзов, не имеющих достаточного количества членов для ведения своих дел самостоятельно, рекрутским союзом, в котором объединялись бы все члены данного города, принадлежащие к различным индустриальным союзам. По этому вопросу с'езд принял решение, согласно которому все члены так называемых ныне департаментальных союзов должны составлять общий рекрутский союз, к которому должны причисляться и те члены, которые находятся в заброшенных местах. Рекрутский союз может быть создан и получить чартер от И. Р. М. при наличии 20-ти членов. Однако, члены союза, работающие в различных индустриях, будут регистрироваться по индустриям. Такой план даст возможность в любое время установить количество членов рекрутского союза, принадлежащих к той или иной индустрии, и при достаточном их количестве создать с'езд для создания самостоятельного индустриального союза. Рекрутский союз будет функционировать также как и индустриальные союзы. Он будет избирать своего секретаря-казначей, члена в Исполнительный Комитет и иметь свои с'езды. Секретарю департаментальных союзов с'ездом дана инструкция обратиться за резолюциями и рекомендациями к членскому составу для устава предполагаемого рекрутского союза.

Далее с'ездом решено, чтобы в будущем секретари отделов индустриальных союзов избирались посредством референдума. Такой способ предпочтительнее избранию на собраниях, потому что члены будут иметь больше возможности обдумать вопрос всесторонне.

Что же касается членов Исполнительного Комитета, так с'езд принял решение, что только один председатель Исполнительного Комитета должен быть на жалованьи.

Перед с'ездом был поставлен вопрос об интернациональном объединении. С одной стороны была предложена резолюция за вступление в Международное Товарищество Рабочих (Берлинский Интернационал), с другой — члены так называемого традиционного объединения (Московский Профинтер) призывали за объединение с Москвой. Оба эти предложения отвергнуты. Главным аргументом против вступления И.Р.М. в М.Т.Р. противники такого объединения выставляли то, что отколовшаяся от И.Р.М. часть, называющая себя „Эмердженси Программ“, находится, по их мнению, в близких отношениях с М.Т.Р. По отношению же к Профинтеру с'езд принял позицию занятую с'ездом И.Р.М. в 1922 году, то-есть, что И.Р.М. часть, называющая себя „Эмердженси Программ“, находится, по их мнению, в близких отношениях с М.Т.Р. находится не только под влиянием, но и под контролем и идейным руководством политической партии.

Вслед за этим была предложена резолюция о том, что принимая во внимание существование организаций И.Р.М. в других странах, Исполнительному Комитету поручается завязать с ними более тесные сношения, чем это было до настоящего времени и подготовить почву для созыва мирового с'езда И.Р.М.

Принимая во внимание тот факт, что преследование капиталистами и правительством членов И. Р. М. за их организационную работу продолжается, принимая во внимание, что многие из арестованных заключены в тюрьмы на долгие сроки, 17-й съезд И. Р. М. вынес решение использовать все находящиеся в распоряжении силы для борьбы за освобождение, в возможно кратчайший срок, пленников классовой борьбы и всемерно содействовать Комитету Защиты, оказывая материальную помощь заключенным и их нуждающимся семьям.

Съезд закончился 20 ноября 1925 года.

Следует добавить, что в отличие от прошлых съездов 17-й съезд постановил, что в случае неотложной необходимости, в период до следующего съезда, делегаты данного съезда могут быть снова созваны.

СУД НАД Р. ФОРДОМ.

В одном из предыдущих номеров „Голоса Труженика“ мы сообщали о том, что Ричард Форд, после условного освобождения из тюрьмы, снова был арестован и привлечен к суду. Суд этот начался 4-го января сего года. Суд ведет ненавидящий И. Р. М. судья Бюзик, который распорядился чтобы 15-тилетний сын Р. Форда не был допущен на суд. Это сделано с той целью, чтобы присутствием сына на скамье вместе с отцом не вызвать симпатии присяжных заседателей к подсудимому.

Этот судебный процесс до того нашумел, что зала суда переполнена публикой, настроение которой, согласно сообщениям, расходится со стремлениями обвинителей, требующих смертной казни для Р. Форда. Капиталистические слуги в штате Калифорния стремятся использовать суд над Р. Фордом и против Г. Шура, вместе с ним осужденного по одному делу и продолжающего по этому времени отбывать наказание.

Результат суда мы сообщим в следующем номере „Голоса Труженика“. Теперь отметим тот факт, что сознательные рабочие всей страны возмущены произволом, несправедливостью и требуют свободы для Р. Форда.

ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ.

Члены И. Р. М. в Сеатле, штат Вашингтон, на объединенной конференции приняли резолюцию, призывающую рабочих северо-запада к подготовке и организации всеобщей забастовки за освобождение политических заключенных и за уничтожение черного списка рабочих.

Господствующий класс уж слишком далеко зашел в своих преследованиях и его мечте о распыленном, неорганизованном рабочем классе нужно положить конец активным действием рабочих, объединенных в Один Большой Союз.

СРЕДИ КНИГ

Новые издания (1925 г.) московского книгоиздательства „Голос Труда“.

А. Боровой и Н. Отверженный. „Миф о Бакуине“. Поход на Бакунина, открытый в России плеядой рыцарей (коммунистов), вроде Полонского и др., знаменательная деталь во всеобщем походе на анархизм. Опровергнуть анархизм нельзя, жалкие попытки в этом направлении создали только ряд процессов со стороны Р. К. П. над несчастными комсомольцами, осмелившимися проверить „правду“ своих вероучителей. И вот делаются попытки *унизить* (это характерно для „этики“ Р. К. П.) деятели анархизма. Но на горе наших похороненцев ни Нечаевщина, ни „Исповедь“ самого Бакунина, ни типы Достоевского, как превосходно доказывают авторы сборника „Миф о Бакуине“, непригодны для этой цели. Будем надеяться, что этим сборником будет похоронена последняя клевета на Бакунина. Впрочем, даже клевета может только вновь привлечь к нему внимание. Мы предвидим, что сборник „Миф о Бакуине“ — начало новой Бакунины.

Авторы сборника страдают многословием: слова часто зияют в кон-тексте излишней красочностью, неточностью мысли, разбивают ритм контекста — это заметно и в других работах авторов. Получается впечатление излишней восторженности. Кроме того, сборник написан слишком для интеллигентов, нет простоты языка. Хотелось бы заинтересовать, затронутыми вопросами, более широкую аудиторию.

Вып. 9. Пьер Рамус. „Вильям Годвин“. Для России, знакомившейся с Годвином, главным образом, по Эльбахеру, эта книжечка представляет ценный вклад. Простой и красивый язык, меткие и остроумные замечания, прекрасные и сжатые характеристики рекомендуют книгу с лучшей стороны. Первая глава, дающая историческое введение к идеям Годвина, умело сжата до крайних пределов и в то же время дает, кроме широкого обзора эволюции идей, хорошее определение анархизма и короткую, но острую критику претензий политической экономии. Остальные главы, посвященные биографии и характеристике идей Годвина, выполнены тоже хорошо. Отмечено характерное для анархистов, оставшихся вне общественных движений, жизненное крушение Годвина. Но в главе, отведенной идеям Годвина, мало чувствуется логика самого Годвина, о которой так много говорит автор книги, и слишком чувствуется сам автор. Хотелось бы более глубокого проникновения Годвином в Годвина, меньше рассказа об его идеях и побольше его самого. Кроме того, мало прочувствована связь идей Годвина с состоянием современного ему общества. Хорошо бы, кроме того, дать, в конце книжки, краткий очерк дальнейшего влияния этих идей.

Книга по формату и по содержанию стоит широкого распространения и пригодна для первоначального систематического ознакомления с анархизмом.

Лев.

Москва, август 1925.